

Галиева Марианна Андреевна

**"РУСЛАН И ЛЮДМИЛА" А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ.
НЕОБЪЯСНИМОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПЕСНЬ ПЕРВАЯ**

В статье изучается фольклорная традиция в поэтике А. С. Пушкина. Объектом исследования выступает поэма-сказка "Руслан и Людмила", которая всегда привлекала внимание и литературоведов, и фольклористов. Вопрос о фольклоризме творчества Пушкина осложняется тем, что фольклорная традиция может проявляться как явно, так и латентно. Однако ученые, исследовавшие данную проблему, главным образом обращались к внешним формам фольклоризма, что значительно обедняло представления о пушкинской поэтике. В статье пересматривается и сама методология: учитываются дожанровые образования, обряд и ритуал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 46-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, программа русского языка как иностранного на факультете свободных искусств и наук включает в себя как курсы, направленные на развитие разговорной речи, так и курсы, направленные на совершенствование фонетических навыков.

Следует особо подчеркнуть, что программы курсов коррелируют между собой. Так, тематика текстов, используемых на занятиях по фонетике для формирования и закрепления фонетических навыков, соответствует темам, которые студенты до этого изучали в курсе разговорной практики. Это позволяет еще раз закрепить сформированные лексические навыки, а также актуализировать в речи изученные лексико-грамматические конструкции. Такой комплексный подход к развитию звучащей речи позволяет легче преодолеть трудности, возникающие у американских студентов при изучении русского языка, тем самым повышая качество обучения.

Список литературы

1. Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. М., 2010. 232 с.
2. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 279 с.
3. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 96-122.
4. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Издательство Московского университета, 1963. 308 с.
5. Зыкова Е. И., Ильинова А. И. Сборник упражнений по фонетике русского языка. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 156 с.
6. Кузнецов А. Л., Кожевникова М. Н., Дмитрива И. И., Перелобская О. С. Из истории русской культуры. М., 2009. 112 с.
7. Милливоевич Д. Некоторые аспекты преподавания русской фонетики американским студентам // Методика преподавания русского языка и литературы в Америке. М.: Синтаксис, 1995. Т. 1. С. 273-287.
8. Мощинская Н. В., Разинкина Н. М. Русская культура: диалог со временем. М., 2013. 416 с.
9. Румянцева Е. В. Поговорим. СПб.: Северная звезда, 2012. 102 с.
10. Степанова С. Б. Слушайте, повторяйте, читайте! СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 64 с.
11. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 2003. 334 с.

ON THE EXPERIENCE OF RUNNING COURSES ON THE CONVERSATIONAL PRACTICE AND PHONETICS AMONG AMERICAN STUDENTS, LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE

Voitekhhina Ol'ga Sergeevna

Demina Elena Evgen'evna

Rumyantseva Elena Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy

Saint-Petersburg State University

olgas.voit@gmail.com; kompotarna@gmail.com; elena_slavn@mail.ru

The article is devoted to the problem of teaching Russian as a foreign language for the American audience. The experience of the development and running courses on the conversational practice and phonetics is presented on the basis of the specificity of the organization of teaching Russian as a foreign language in the American Universities. The integrated approach to the teaching of phonetics allows improving the quality of teaching the Russian language.

Key words and phrases: Russian as a foreign language; spoken language; phonetics; phrase intonation; word stress; rhythm; correction of the pronunciation.

УДК 82:801.6; 398:801.6

Филологические науки

В статье изучается фольклорная традиция в поэтике А. С. Пушкина. Объектом исследования выступает поэма-сказка «Руслан и Людмила», которая всегда привлекала внимание и литературоведов, и фольклористов. Вопрос о фольклоризме творчества Пушкина осложняется тем, что фольклорная традиция может проявляться как явно, так и латентно. Однако ученые, исследовавшие данную проблему, главным образом обращались к внешним формам фольклоризма, что значительно обедняло представления о пушкинской поэтике. В статье пересматривается и сама методология: учитываются дожанровые образования, обряд и ритуал.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; поэтика; Пушкин; обряд; ритуал; «иное царство»; имажинативная реальность.

Галиева Марианна Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

marianna.galieva@yandex.ru

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. НЕОБЪЯСНИМОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПЕСНЬ ПЕРВАЯ©

О фольклоризме «Руслана и Людмилы» написано много. Проблема разрабатывается давно, начиная с работ 1940-х гг. Л. М. Лотман, М. А. Шнеерсон [3; 12] и заканчивая исследованиями последних десятилетий

(диссертация С. Ю. Степочкиной [9]). В чем заключается привлекательность для ученых данной темы? Безусловно, на первое место выдвигается *фольклорная основа* поэмы-сказки. Здесь отыскиваются всевозможные источники, которые могли послужить основой для пушкинского сюжета или как-то повлиять на поэта. На втором месте стоит *мотивная структура*. Так, в исследованиях последних лет большое внимание уделяется мотиву похищенной невесты, развитию этого мотива впоследствии в сказках Пушкина [Там же]. Нет необходимости сейчас подробно обращаться к каждой работе, так как вопрос о фольклоризме творчества Пушкина (не только «Руслана и Людмилы») это, прежде всего, *теоретический вопрос*.

Д. Н. Медриш, анализирувавший сказки, пришел к такому выводу: «...если случаи “открытого” фольклоризма (описание обрядов, фольклорные эпиграфы, явные цитаты) с достаточной полнотой учтены и рассмотрены пушкинистами, то фольклоризм скрытый, глубинный, когда народные представления проникают в “нейтральные”, казалось бы, картины и эпизоды, растворяясь в авторской речи и в результате становясь существенным элементом поэтики, зачастую остается незамеченным» [4, с. 110]. Таким образом, на сегодняшний день, при всех заслугах пушкинистики, существует необходимость в выявлении именно *латентно существующих* форм фольклорной традиции в поэтике Пушкина, в поэме-сказке «Руслан и Людмила», в частности. Мимо чего обычно проходит исследователь, пишущий о фольклорной традиции в «Руслане и Людмиле»? Прежде всего, мимо фольклорного кода, *мировоззрения* поэта – вернее, так вопрос еще не ставился. Дело здесь в подходе к самому явлению фольклора.

Для филолога-литературоведа фольклор, преимущественно, это свод текстов (былинных, балладных, частушек, сказок, заговоров и т.д.), но в фольклористике давно обозначена проблема *комплексного понимания* фольклора: от обряда и ритуала до собственно жанровых структур [5]. По этим причинам ученый, занимающийся взаимодействием фольклорного и литературного, должен учитывать и филологический, и искусствоведческий, и прочие подходы к явлениям фольклора, из его поля зрения не должны ускользать ни этнография, ни система *дожанровых образований* (обряд, ритуал). Только таким образом поменяется взгляд на фольклор, который в себе несет *Имагинативный абсолют*, то есть то, что присуще всем народам и передается из поколения в поколение, но не только бытовым путем, а образным, имагинативным. Эту категорию ввел в культурологический дискурс Я. Э. Голосовкер, который под имагинативным (он включал в него и миф, и фольклор) понимал *метафизический* взгляд на действительность, при котором оптика с бытовой меняется на идеальную [2, с. 201]. Итак, данные разъяснения нам необходимы для утверждения новой методологии, которой мы будем пользоваться, комментируя поэму-сказку «Руслан и Людмила».

Первое, что обращает на себя внимание, это известное, ставшее уже классическим, начало, которое мы воспринимаем как данность, не задаваясь вопросом, почему на «неведомых дорожках следы невиданных зверей»:

Там на *неведомых дорожках*

Следы *невиданных зверей* [8, с. 8].

Устойчивая фольклорная формула «неведомые дорожки» имеет свои коннотации, о которых, конечно, не задумывается исследователь, просто ограничивающийся констатацией этой формулы у Пушкина. «Иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что» – подобного рода формулы связаны, в первую очередь, с поиском *неведомой земли*, солнечного царства, а также с «миром мертвых», где все возможно. Ищу то, что неведомо, то есть не зримо. Неведомые дорожки и невиданные звери – находящиеся за пределами данного, допустимого в профанной действительности [1]. Таким образом, пушкинская оптика настраивается изначально на *метафизическое* и, вместе с тем, настраивает читателя на *иномирное*. В фольклоре особенно важна роль нарратора, который, зачастую, переходит границу «допустимого», то есть покидает мир живых, приобщаясь к миру предков [Там же]. Именно так утверждается знание иномирное, доказывается то, что повествователь был очевидцем случившегося:

И там я был, и мед я пил;

У моря видел дуб зеленый;

Под ним сидел, и кот ученый

Свои мне сказки говорил.

Одну я помню: сказку эту

Поведаю теперь я свету [8, с. 8]...

Итак, тон задан – фольклорная традиция сказывается здесь не только во внешних формах, а в том, что можно назвать *фольклорным мировоззрением автора*. Пир Владимира начинается с подробного описания стола:

Не скоро ели предки наши,

Не скоро двигались кругом

Ковши, серебряные чаши

С кипящим пивом и вином.

Они веселье в сердце лили,

Шипела пена по краям,

Их важно чашники носили

И низко кланялись гостям [Там же, с. 9].

В фольклоре ретардации подвергается момент боя, седлания коня и пира, застолья – все это *сакральные* части эпоса. И это кажется очевидным, однако, все же в последнем и пушкинском случае формула нуждается в комментарии. Воин, богатырь или другой культурный герой, выпивая меда / хмеля / зелена вина, тем самым приобщается к *ритуальному хаосу*. По общим славянским представлениям, без хмеля не начиналось ни одно

священнодействие [6, с. 108]. Типология культур в этом случае чрезвычайно продуктивна: у персов и гебров существовал культ хаомы, напитка, творящего космос [11]. В славянской традиции такой ритуальный напиток актуален как в свадебной, так и в похоронной обрядности. Пушкин также отводит этому моменту значительное место, и здесь обращает на себя внимание то, что не все гости стола поднимают заздравные чаши:

В унынье, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя младые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые,
И брашна не приятны им [8, с. 9].

Витязи сидят за пустым ковшом, а значит, они не приобщены к ритуальной действительности, они как бы выключены из общего пространства *веселого хаоса*. Те витязи, соперники Руслана, представляют собой три типа: воин, шут («крикун надменный») и романтический тип.

Один – Рогдай, *воитель смелый*,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой – Фарлаф, *крикун надменный*,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, *полный страстной думы*,
Младой хазанский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир [Там же, с. 10].

Почему даны такие разные типы? На этот вопрос позволит ответить только последующий комментарий, но, по крайней мере, проблема уже обозначена. Далее следует описание брачного ложа и само исчезновение Людмилы. Первое, что настораживает в этой картине – это «непривычное» описание царских покоев:

Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры [Там же]...
.....
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом все смеркло, все дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Все смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной [Там же, с. 11]...
.....
Хватает воздух он пустой;
Людмила нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой [Там же].

Интересна смена точек зрения: из бытового интерьера даны лишь «цареградские ковры», все остальное (гром, туман, дымная глубина) представляет собой *метафизику пространства*. И здесь, конечно, можно было бы ограничиться упоминанием того, что в фольклоре, например, в былинах, в сказках Змей Горыныч также появляется подобным образом, но и эта формула содержит за собой глубокий смысл. Людмила исчезает через *воздух*, туман можно сказать, **эфир**. Упоминание об этой живой энергии дано еще в «Повести о Петре и Февронии Муромских»: «...если какое-либо дерево, стоящее на земле, будет срублено тогда, когда сияет на него солнце с небес, то оно будет страдать, а *эфир солнечный от этого дерева не отступит и будет срублен вместе с ним, не страдая*» [7, с. 332]. Эфир представляет собой некую невидимую энергию, которая соединяет миры профанный и горный.

Итак, понятно, что «минутная супруга» похищена самой метафизикой, скрыта от бытового, посредственного. Руслан же, по точному пушкинскому определению, пребывает, словно во сне:

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмила, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, *видел ты во сне* [8, с. 13].

Дано состояние на грани было / не было. В фольклоре сон воспринимается как временная смерть, как выпадение героя из привычного хода событий [10]. Значит, все было предрешено заранее: Руслан должен пройти испытания, *инициативский сон*, который с ним происходит наяву, чтобы, во-первых, добыть себе *вещую невесту* (Людмила, безусловно, является таковой) и, во-вторых, вырасти до *культурного героя*.

На некую заданность указывает и встреча со старцем, который, как бы невзначай, говорит о давно «предвиденном дне», то есть событии из жизни Руслана и Людмилы:

Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною [8, с. 14].

Эта ситуация развернется и потом в «Евгении Онегине» «далью свободного романа», которую поэт прозвал сквозь «магический кристалл», конечно, несколько играя с читателем, лукавя тем, что он не знал наперед истории. Испытания, предначертанные Руслану, также поданы в *магическом свете*:

С надеждой, верою веселой
Иди на все, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай [Там же].

Здесь очень точна пушкинская оценка пути героя: путь полночи, которую необходимо преодолеть. Посещение «киного царства» всегда знаменуется в конце прорывом от *тьмы к свету*. Вспомним концовку из «Сказки о Мертвой царевне»:

И встает она из гроба...
Ах!... и запылали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет [Там же, с. 356]...

Таким образом, инициатический путь предполагает прозрение обоих героев. Так, и в первой поэме-сказке Пушкина и Руслана, и Людмилу ждут перерождающие испытания, поскольку последняя укрыта мировой полночью:

Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полночных обладатель гор [Там же, с. 14].

Однако сюжет не так прозрачен: вставная новелла о любви старца и колдуньи Наины чрезвычайно важна в контексте *ритуального орнамента* всей поэмы-сказки. С одной стороны, Пушкин подшучивает над своим героем, который дождался до седины и лишь тогда добился любви Наины, с другой стороны, он снова предлагает читателю метафизику:

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем – *я обмирал* [Там же, с. 20]...

Обмирал – главное состояние в этом сюжете. Что значит «обмирал»? Значит, находился вне бытовой действительности, выламываясь из *линейного времени*. Неслучайно, под жанром обмираний в фольклоре понимается летаргический сон, то есть временное посещение душой того света. Кажется, что этот глагол употреблен поэтом намеренно, потому что во второй песне именно это состояние обмирания испытают другие герои (Рогдай, Фарлаф, Людмила).

Внимательно следя за *ритуальным ходом* первой песни, не только приходишь к сухому теоретическому выводу о *латентном существовании фольклорной традиции*, что, конечно же, входило в цель нашего исследования, но и к осознанию того, что уже молодой Пушкин так воспринимал фольклор, «преданья старины глубокой», что эта духовная система ценностей, непременно включающая в себя и миф, и былины, и сказки, и прочие формы фольклора в виде обряда, ритуала, органически становилась не столько частью его поэтики, сколько *мировоззрением*. Одна уже первая песнь поэмы-сказки задает «метафизический тон» всему повествованию, настраивая читателя вместе с Русланом и Людмилой на поиск «киного царства».

Список литературы

1. Антонов Д. И. Концовки волшебных сказок: путь героя и путь рассказчика [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/antonov1.htm> (дата обращения: 20.02.2014).
2. Голосовкер Я. Э. О реализме в художественном творчестве – в искусстве и литературе, как об имажинативном реализме // Голосовкер Я. Э. Имажинативный абсолют. М.: Академический проект, 2012. С. 198-202.
3. Лотман Л. М. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1939. № 33. С. 134-147.
4. Медриш Д. Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист III: ежегодный сборник. М.: Наследие, 1996. С. 110-124.

5. Неклюдов С. Ю. К вопросу о фольклоре и обряде // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 11-22.
6. Новичкова Т. А. На переломе. К проблеме формирования художественного языка баллад // Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб.: Наука, 2001. С. 108-109.
7. Повесть о Петре и Февронии // Древнерусские предания (XI-XVI вв.). М.: Сов. Рос., 1982.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 4.
9. Степочкина С. Ю. Движение фольклорного мотива «поиск утраченной возлюбленной» в творчестве А. С. Пушкина: от поэмы «Руслан и Людмила» к сказкам: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 18 с.
10. Толстой Н. И. Славянские о народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXXVI Випперовские чтения. М.: Наука, 1993. С. 89-95.
11. Топоров В. Н. Хаома // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 578-579.
12. Шнейерсон М. А. «Руслан и Людмила» Пушкина. (Очерк из истории русского фольклоризма) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1941. № 81. С. 19-66.

**“RUSLAN AND LUDMILA” BY A. S. PUSHKIN: FOLKLORISTIC COMMENT.
UNEXPLAINED IN THE RUSSIAN LITERATURE: THE FIRST SONG**

Galieva Marianna Andreevna
Lomonosov Moscow State University
marianna.galieva@yandex.ru

The article studies the folklore tradition in the poetics of A. S. Pushkin. The object of the research is the poem-tale “Ruslan and Ludmila”, which has always attracted the attention of literary critics and folklorists. The question of Pushkin’s creative work folklorism is complicated by the fact that the folk tradition can be shown both clearly and latently. However, scientists who have studied this problem mainly addressed to the outward forms of folklorism, which greatly impoverished the ideas about Pushkin’s poetics. The article reviewed the methodology as well: pre-genre formations, rite and ritual are taken into account.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; Pushkin; rite; ritual; “Another kingdom”; imaginative reality.

УДК 81:39

Филологические науки

В статье показаны синтаксические стилистические средства в марийских заговорах, их роль в создании композиционной сложности и выразительности текста. К наиболее часто встречающимся приемам отнесены различные типы повтора, в частности, нюансно-вариативный повтор, впервые выявленный на материале марийских заговоров, а также два вида параллельных конструкций. Аккумуляция выразительных средств в рамках небольших отрезков текста способствует созданию экспрессивности заговора.

Ключевые слова и фразы: заговор; синтаксическая стилистика; экспрессивность текста; анафорический и эпифорический типы повтора; нюансно-вариативный повтор; анадиплозис; параллелизм; конвергенция.

Глухова Наталья Николаевна, д. филол. н., профессор
Марийский государственный университет
gluhnatalia@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРАХ©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 1404-00043.

Цель данной статьи – определить и описать синтаксические стилистические средства в марийских заговорах, тем самым показать экспрессивные возможности синтаксиса марийского языка. Изучение 500 текстов из различных источников [9-12; 15; 19] осуществляется с помощью системно-функционального подхода с использованием приемов синтаксической стилистики [1, с. 160-207; 2, с. 191-248; 4].

Данное исследование является частью изучения фольклорного стиля марийского языка, в рамках которого определяются маркеры стиля сказок, языческих молитв, пословиц и поговорок, песен этноса. Определение характерных особенностей и номенклатуры функциональных стилей языков с небольшой письменной традицией, к которым относится марийский язык, определяет актуальность и необходимость изучения стилей отдельных жанров фольклора, так как именно устное народное творчество является основной базой обогащения марийского литературного языка.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней рассматривается оригинальный материал эзотерической культуры мари, к которому впервые применяются методы и приемы синтаксической стилистики, использовавшиеся ранее при интерпретации авторских художественных произведений. Из последних работ, написанных в этом русле, можно отметить статью В. В. Пальминой, исследовавшей синтаксические стилистические приемы жанра детектива [14].